

Благодаря усилиям императорских лекарей симптомы отравления у наложницы Шань постепенно пошли на убыль. Хотя она по-прежнему не могла вспомнить события той ночи целиком, в памяти начали всплывать отдельные фрагменты. Лежа на больничной койке, наложница Шань прошептала слабым голосом:

— Я помню лишь то, что государыня Императрица и музыкант Юнь о чем-то оживленно беседовали, а что было дальше — не знаю.

Этого было достаточно. В глазах Императора, да и всех окружающих, картина сложилась предельно ясно. В вечер банкета, когда все были заняты любованием луной и фонарями, а сам Император принимал послов, Императрица воспользовалась моментом, чтобы уединиться с музыкантом Юнь во дворце Юаньхэн, где они даже сочинили любовные стихи. Наложница Шань, придя во дворец Юаньхэн засвидетельствовать почтение, случайно застала их врасплох. Тогда Императрица, отослав прочь всех слуг и евнухов, успокоила наложницу и напоила ее чаем с Порошком Забвения, чтобы та забыла увиденное. Но организм наложницы Шань оказался слишком хрупким, реакция на лекарство была чересчур сильной, и правда все же всплыла наружу.

Улики были неопровержимы, и Императрица не могла найти оправданий. Единственным аргументом в её пользу было то, что ни она, ни музыкант Юнь не знали языка государства Юэ, а значит, не могли переписываться стихами на этом языке. Но этому никто не верил. Все знали, что Императрица была невероятно талантлива в поэзии, а музыкант Юнь и вовсе казался небожителем, сошедшим на землю — считалось само собой разумеющимся, что столь одаренные люди должны владеть этим языком.

Так родилось ложное обвинение. План Чжао Нэ и сестер Шань был безупречен, каждое звено плотно прилегало к другому. Однако в нем имелись бреши — на самом деле, если знать, как отвечать на каждый выпад, разрушить эту конструкцию было проще простого.

Ли Юэбай, свернувшись калачиком под одеялом, закусил палец и принялся лихорадочно соображать.

— Ваше Высочество, — наконец позвал он медвежонка, который все это время не сводил с него глаз, словно не мог налюбоваться, — у меня есть много слов, которые я хотел бы передать Императрице. Прошу, помогите мне донести их до неё.

6. Музыкант из Шанцзина (часть шестая)

Банкет в честь праздника фонарей начался. Шань Лань, облаченная в наряд знатной дамы, также присутствовала на торжестве. Как только она увидела наложницу Шань, то поспешно схватила её за руку, вложила в ладонь сложенный листок красной бумаги и принялась что-то долго шептать на ухо. Наложница Шань выслушала её с легкой улыбкой, сохраняя невозмутимый вид.

Когда пробило второй страж, наложница Шань накинула меховую накидку и в сопровождении служанки Ляньсинь и нескольких евнухов покинула пир, направившись к дворцу Юаньхэн. У ворот она оставила свиту и вошла внутрь одна. Едва переступив порог, она услышала нежный звук цитры, доносившийся из бокового павильона. Там горели свечи, двери были распахнуты, и Юнь Вэйчжи в одиночестве перебирал струны. В главном зале тоже было ярко, мелькали тени служанок — очевидно, Императрица и наследный принц находились там.

Досадно, что Императрица не в одной комнате с музыкантом, подумала она, но как бы осторожны они ни были, им не уйти от расплаты. Поправив прическу и нацепив улыбку, наложница Шань направилась к главному залу.

— О, наложница Шань, как ты здесь оказалась? Разве ты не на банкете? — Императрица с улыбкой жестом приказала служанкам помочь гостье.

— Сердце тянулось к Вам, государыня, вот я и решила заглянуть засвидетельствовать почтение. Не помешала ли я Вам? — наложница Шань улыбнулась с подчеркнутым почтением.
— В этот праздничный вечер не удалось ли Вам сочинить что-нибудь прекрасное?

— Какие там стихи, просто баловство, — Императрица пригласила её присесть.

— Как поживает Его Высочество? Ему стало лучше? — участливо спросила наложница.

— Намного, но погода нынче холодная, на улицу он не выходил, — тон Императрицы сегодня был необычайно мягким, не таким высокомерным, как обычно.

После обмена любезностями наложница Шань таинственно подалась вперед:

— Государыня, у меня есть личное дело, о котором я хотела бы поговорить с Вами наедине.

— О? Что же это за слова, которые нельзя произнести при них? — рассмеялась Императрица. — Мои слуги — не чужие люди.

— Это... — наложница Шань замялась.

Видя её упорство, Императрица приказала всем выйти и закрыла дверь. Наложница Шань достала из-за пазухи красную бумагу, развернула её и в лунном свете указала Императрице:

— Это фрагмент произведения поэта прошлой династии У Цыдао. Народные поэты переписали его, а мне сегодня посчастливилось получить этот листок. Зная, как Вы любите подобные вещи, я решила поднести его Вам.

— Такая ценность, почему бы не рассмотреть её при свете лампы? — с улыбкой спросила Императрица.

— Поэзия У Цыдао легка и изящна, я подумала, что при лунном свете она раскроется полнее, — пояснила наложница.

— Ты действительно помнишь о моих пристрастиях, я очень тронута, — ответила Императрица.

— Я ничего не смыслю в стихах, просто хотела сделать Вам приятное, — наложница Шань

выдохнула с облегчением.

— Твое внимание я принимаю. Я всегда любила поэзию и обязательно перепишу эти строки при лунном свете.

После еще пары чашек чая наложница Шань накинула накидку и ушла. Вернувшись на банкет, Шань Лань тут же спросила:

— Ну как? Все прошло гладко?

— Гладко, даже слишком. Мне от этого не по себе, — наложница Шань потерла виски. Ей казалось, что Императрица сегодня была какой-то странной — слишком уж покладистой! Но сколько бы она ни прокручивала всё в голове, изъянов не находилось.

— Так и должно быть, — вздохнула Шань Лань. — Сестренка, ты столько лет изучала её характер, досконально узнала, какие стихи она любит, как их переписывает, какими языками владеет... разве могло что-то пойти не так?

— Да, я знаю не только то, что она любит У Цыдао, но и то, что она предпочитает переписывать стихи при лунном свете, и что прячет письма в шкатулку у изголовья, подкладывая их под дно... — наложница Шань коснулась пальцами лба. — Все страдания того стоили.

— Скорее принимай Порошок Забвения, — напомнила Шань Лань. — Иначе временные рамки не сойдутся. Когда завтра проснешься, я сама расскажу тебе обо всем, что случилось сегодня.

Шань Лань достала из рукава пакетик с порошком и, прикрываясь широким рукавом, передала его сестре. Наложница Шань высыпала содержимое в чашку и залпом выпила. Хотя лекарей можно было подкупить, нельзя было гарантировать, что не пришлют другого, ничего не знающего врача, поэтому, как и в оригинальной истории, наложница Шань действительно приняла яд.

В ту ночь Шань Лань сослалась на то, что возвращаться домой поздно, и осталась ночевать во дворце сестры. Поскольку они были родными сестрами и часто общались, никто не заподозрил неладного. На следующее утро по дворцу разнеслась весть: наложница Шань слегла с болезнью. До прихода лекаря Шань Лань уже слово в слово пересказала ей события вчерашнего вечера, поэтому, хотя со стороны казалось, что наложница ничего не помнит из-за действия порошка, на самом деле она знала всё до мельчайших деталей. Чтобы история выглядела достовернее, она специально пригласила нескольких прямолинейных лекарей, которые не умели держать язык за зубами.

— Это... это же Порошок Забвения! — в ужасе воскликнул лекарь. — Ваше Величество, это серьезное дело, я не смею лгать, но и скрывать это тоже не могу!

— Я прошу вас, пока не предавайте это огласке, — лежа под пологом, слабым голосом проговорила наложница. — Дело еще не расследовано, не хочу поднимать переполох во дворце... подождите хотя бы полдня.

Когда лекари ушли, Шань Лань недоуменно спросила:

— Почему ты не подняла шум сразу?

— Время еще не пришло, — усмехнулась наложница Шань. — Сейчас утро, Император еще не ушел на утренний доклад, он в хорошем настроении. Если я заявлю сейчас, он может просто закрыть глаза на это, и Императрица не поплатится жизнью.

— Верно, вчера он принимал персидское посольство, говорят, беседа прошла успешно, — кивнула Шань Лань.

— А когда он закончит утренний доклад, ситуация изменится. Согласно твоим словам, наставник Чжао говорил, что сегодня подадут несколько докладов с неприятными новостями! После этого Император будет в ярости! — в глазах наложницы блеснул огонек.

— Когда настроение Императора испортится, Императрица и музыкант Юнь будут обречены, — улыбнулась Шань Лань.

— К тому же, вчера она получила от меня стихи У Цыдао, наверняка её охватило вдохновение, и она уже сочинила что-то свое, — наложница Шань загибала пальцы. — Император терпеть не может, когда она пишет стихи. Вернувшись из зала заседаний и узнав об этом, он сразу нахмурится.

— И тогда, наложив одно на другое, мы расскажем о случившемся вчера — гнев будет подобен грому! — голос Шань Лань стал тише, но восторг скрыть было невозможно.

Наложница Шань вредила Императрице ради своего будущего и будущего своего сына, Великий наставник Чжао — ради власти, а Шань Лань — не только ради интересов сестры и мужа, но и из личной зависти. Двадцать лет назад, когда Император был еще наследным принцем, Шань Лань и Сяо Вэньинь были главными претендентками на роль супруги. Однако Сяо Вэньинь была знатнее, красивее и изящнее, что полностью затмило Шань Лань. Та затаила обиду, вышла замуж за Чжао Нэ и с тех пор ненавидела Сяо Вэньинь всей душой.

Тем временем во дворце Юаньхэн Ли Юэбай послал маленького евнуха узнать, как дела у наложницы Шань. Тот вернулся и доложил:

— Наложница Шань еще не вставала, говорят, вчера на банкете простудилась, чувствует недомогание.

Ли Юэбай все понял. Он повернулся к Мужун Наню:

— Ваше Высочество, все, о чем я просил, Императрица выполнила вчера?

Мужун Нань равнодушно усмехнулся:

— Разумеется.

Ли Юэбай удивился: мои просьбы были довольно странными, почему он не спросил ни о чем, а просто взял и выполнил? Он решил, что нужно объясниться:

— Ваше Высочество, понимаете, в дворце и за его пределами есть несколько злопыхателей, которые подозревают меня и Императрицу в том, что... ну...

— О? — Мужун Нань приподнял бровь и, перевернувшись, навис над ним. — Брат Юнь, у тебя и вправду есть... чувства к моей матушке?

— Нет! Конечно, нет! — испуганно воскликнул Ли Юэбай, поднимая руки в жесте клятвы.

— Ну еще бы, — Мужун Нань игриво сжал шею Ли Юэбая. — Только я помню, когда мы были в Нинчжоу, у тебя не было странной боязни женщин. Как же так вышло, что во дворце она появилась?

— Это всё из-за того, что ты меня пугаешь! — Ли Юэбай искал оправдания.

— Быть может... — Мужун Нань задумался. — А что, если у тебя появится еще одна странность? Не только бояться женщин, но и ненавидеть мужчин, кроме меня?

— ... — Ли Юэбай потерял дар речи. Что это за «маленький ревнивец из Шанцзина»?

— Эй, Ваше Высочество, у меня вопрос, — Ли Юэбай пнул его по лодыжке. — У Императрицы сегодня есть новые стихи?

— Брат Юнь так любит стихи моей матушки? — взгляд Мужун Наня стал холодным.

— Нет-нет, просто спрашиваю, — Ли Юэбай мысленно взвыл. Что за «поле битвы»?!

Согласно оригиналу, сегодня должно было появиться стихотворение Императрицы «Воспоминания о древности». Если другие события были подстроены наложницей Шань, то эти стихи были чистой воды ошибкой самой Императрицы. В оригинале она сочла имя Юнь Вэйчжи красивым, была очарована его мастерством, а улучшение здоровья принца подняло ей настроение, вот она и написала стихи, вплетя в них имя музыканта.

Стихотворение состояло из четырех строк. На первый взгляд ничего особенного, но при внимательном чтении можно было разглядеть иероглифы «Юнь», «Вэй», «Чжи». Эти стихи просочились из дворца, вызвали гнев Императора, а затем последовал скандал с потерей памяти у наложницы Шань, что лишь подлило масла в огонь. Ли Юэбай полагал, что, как только стихи распространились, наложница Шань поняла, что момент настал, и решила захлопнуть ловушку.

— Ваше Высочество, я слышал, Императрица написала для меня стихи, — улыбнулся Ли Юэбай. — Прошу, принесите их мне почитать.

Мужун Нань с холодным лицом удалился. Скорость выздоровления принца была гораздо выше, чем в оригинале — там он все еще лежал пластом, впадая в беспамятство, а этот медвежонок уже свободно ходил. Неужели это результат того, что он каждый день пялится на меня и издевается? Ли Юэбай был в недоумении.

Вскоре Мужун Нань вернулся с резной курильницей и с улыбкой протянул её Ли Юэбаю:

— Брат Юнь, я распорядился перерыть все бумаги матушки. Нашел новое стихотворение, «Воспоминания о древности», там действительно есть твое имя.

— Где же оно? Скорее дай мне взглянуть! — Ли Юэбай притворился взволнованным.

— Его больше нет, — Мужун Нань прошептал ему на ухо. — Я положил его в курильницу и сжег дотла.

7. Музыкант из Шанцзина (часть седьмая)

Случайно уронил в курильницу... Ли Юэбай уставился на плотно закрытую крышку — это насколько же нужно быть «неловким», чтобы уронить туда целый лист бумаги!

— Ваше Высочество, вы сожгли стихи Императрицы, что вы скажете ей, если она спросит? — поддразнил его Ли Юэбай.

— Ничего страшного, напишу ей другое взамен, — Мужун Нань приподнял бровь.

— Ты умеешь писать стихи? — усомнился Ли Юэбай.

— Ты напишешь за меня, — принц не церемонился.

— Попроси меня, — Ли Юэбай вошел во вкус.

Видя, что принц снова собирается на него наброситься, он решил вовремя остановиться:

— Одно стихотворение — это пустяк. Раз уж ты сжег «Воспоминания о древности», я назову свое «Тысячелетие».

— М-м.

— Только у меня есть условие: Императрица должна собственноручно переписать его для меня. Как тебе? — Ли Юэбай чувствовал себя маленьким, вредным злодеем.

— Разве это сложно? Стоит мне попросить, матушка обязательно согласится, — принц был на удивление уступчив.

Ли Юэбай подумал и добавил:

— И еще, пусть придет Чжаожун Сюй и посмотрит.

— Сестренка, сестренка, момент настал! — Шань Лань в восторге ворвалась в покои наложницы Шань. — Стихи Императрицы всплыли!

— Не шуми, — раздраженно ответила наложница. — Какие еще стихи?

— Наши люди, внедренные к Чжаожун Сюй, только что прислали экстренное донесение, — сказала Шань Лань. — Императрица написала новое стихотворение.

— Она каждый день пишет по несколько штук.

— В этот раз всё иначе, в нем есть иероглифы «Юнь», «Вэй», «Чжи»! — Шань Лань понизила голос, чеканя каждое слово.

— Какие строки? — лицо наложницы Шань стало суровым.

— Ты же знаешь, та служанка неграмотна, она не запомнила стихов, — ответила Шань Лань. — Но она клянется, что в этих строках точно есть имя Юнь Вэйчжи!

— Значит, проблем нет, — наложница Шань откинула полог кровати и взглянула на небо. — Император уже должен был закончить утренний доклад, не так ли?

На сегодняшнем заседании Император был в ярости: то наводнение, то засуха, то коррупция, то поражение на границе, да еще и куча доносов на Великого наставника Чжао Нэ. В правительстве он мог доверять только Чжао Нэ, но вечно находились высокомерные ученые, которые точили на него зуб. Вернувшись во дворец, Император кипел от гнева, надеясь найти покой, но гарем оказался еще большим хаосом.

— Ваше Величество, — дрожащим голосом доложил евнух Ань. — Служанки донесли, что Императрица сочинила новое стихотворение.

— И что с того? — Император нахмурился. Он не любил её увлечение литературой — вместо того чтобы изучать женские добродетели или буддийские сутры, она вечно занималась поэзией, как какой-то нищий поэт, что шло вразрез с порядками. Но за столько лет он привык и не придавал этому значения.

— Старый слуга не знает, в чем проблема, — евнух Ань был в замешательстве. — Служанка, что донесла, сказала, что в стихах есть нечто неподобающее.

— Что именно?

— Лучше пригласить её предстать перед Вашим Величеством.

Вскоре служанка Чжаожун Сюй по имени Хуаньсян, дрожа всем телом, предстала перед Императором. Хотя она прислуживала Чжаожун Сюй, тайно она уже давно была подкуплена наложницей Шань, которая обещала заботиться о её семье, поэтому служанка была готова на всё ради неё.

— Ваше Величество, я не должна была болтать лишнего, это всё моя глупость, дела Императрицы — не то, о чем я смею судить... — она вся тряслась.

Видя её уклончивые речи и подозрительное поведение, Император лишь сильнее усомнился.

— Хуаньсян, говори прямо, это приказ Императора, Императрица не имеет права тебя наказывать, — евнух Ань, взглянув на лицо господина, подбодрил её.

— Да... сегодня я сопровождала Чжаожун Сюй во дворец Юаньхэн и увидела, что Императрица написала новое стихотворение «Тысячелетие». Она велела служанке прочитать его вслух, и я ясно услышала иероглифы «Юнь Вэйчжи»!

— Юнь Вэйчжи? Тот самый музыкант, что спас принца своей игрой? — спросил евнух Ань.

— Да, именно он, — поспешно ответила Хуаньсян.

Лицо Императора посинело. Он в сопровождении свиты направился прямо во дворец Юаньхэн. Однако, войдя, он обнаружил там много народу. Наложница Шань и Шань Лань только что прибыли засвидетельствовать почтение. Наложница выглядела болезненной, Шань Лань поддерживала сестру, и они медленно пробирались через двор к главному залу. Услышав шум позади, они обернулись, увидели Императора и поспешно склонились в поклоне.

— Почему вы только сейчас пришли к Императрице? — Император был подозрителен. Обычно наложница приходила утром, а сейчас было уже близко к полудню.

— Вчера был банкет, наложница Шань не вынесла вина, ей было плохо, — тут же ответила Шань Лань.

Наложница Шань слабо кивнула, но не успела она открыть рот, как её тело обмякло, и она рухнула на землю!

— Быстрее, зовите лекаря! — Император забыл о своем намерении допросить Императрицу.

Прибывший лекарь, не успев даже проверить пульс, упал на колени:

— Ваше Величество, я виноват! Сегодня утром мы уже осматривали наложницу Шань, но она слезно умоляла нас не поднимать шума, поэтому мы не доложили Вам!

— Чем больна наложница Шань? Говорите немедленно! — Император был в ярости.

Лекари, привыкшие говорить прямо, не стали юлить:

— Ваше Величество, наложница Шань не больна, она отравлена!

— Отравлена? — взревел Император. — В моем гареме творятся такие гнусные дела!

— Что за яд?

<http://bllate.org/book/19096/1875415>